

УДК 1+341.3+304.5

И.А. Беляев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: igorbelyaev@list.ru

ПРАВО ВОЙНЫ: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ

Актуальность разрабатываемой проблемы определяется недостаточной полнотой и точностью информации о функционировании права войны, зафиксированной в сложившемся содержании соответствующего понятия. Цель исследования состоит в философском осмыслении процессуальных особенностей выступления права войны в роли средства, минимизирующего масштабы боевых действий и их разрушительные последствия. Методы исследования: диалектический, исторический, феноменологический и герменевтический; их комплексное использование обеспечило целостное видение генезиса и современного состояния права войны. Основные результаты исследования заключаются в формировании представлений о циклическом характере процесса реализации права войны; о чередовании в рамках этого процесса состояний потенциальности и актуальности норм, составляющих данный раздел права; об аспектах содержания понятия права войны, нуждающихся в приоритетной философской разработке.

Ключевые слова: война, право войны, глобализация, государство, мораль, обычай, договор.

Человечество переживает эпоху всепроникающей глобализации, связывающей все его части воедино, ставящей их в отношения взаимозависимости, превращающей реальную автономию, свойственную им прежде, в нечто воображаемое. Сегодня допустимо вести речь о наличии тенденции к всё более существенному влиянию действий и поступков каждого на физическое, психическое, экономическое, политическое и всякое иное состояние всех. Не исключено, что данная тенденция скоро породит тотальную общечеловеческую действительность, минимизирующую шансы людей на то, чтобы самоопределяться хоть в чём-нибудь. При этом глобализированное человечество наверняка будет вынуждено познать множество опасностей, которые ему ранее не встречались. Новые потери и страдания воистину нереального прежде масштаба грозят ему и со стороны «привычных» бедствий, таких, в частности, как война.

Люди, будучи социальными существами, объединёнными в роды и племена, народы и нации и функционирующими сообща, во все времена искали сравнительно приемлемые варианты своего взаимодействия в рамках самых разных ситуаций, находили их и фиксировали представления о них в какой-либо форме. Изначально доминирующей формой социальной легитимизации находок такого рода был обычай, складывающийся исторически, на протяжении веков, а подчас и тысячелетий. Однако примерно со второй половины XIX века на первый план постепенно вышел договор, заключаемый взаимодействующими сторонами, выступающими в роли субъектов международного права.

Противоречия между нациями как крупномасштабными сложноорганизованными группами людей, являющие собой движущие силы их взаимодействия, периодически обостряются. Значительное обострение противоречий нередко вер-

гает функционирующую систему взаимодействий в кризис. При этом разрешение возникшего кризиса порой оказывается возможным только за счёт развёртывания в рамках наличной ситуации объективно деструктивных процессов. Принципиальная допустимость инициирования таких процессов и активного участия в их осуществлении тех или иных групп людей, а также легитимность совершаемых ими действий воспроизводится в общественном мнении и социальной практике.

Крайняя степень деструктивности взаимодействия между нациями – это война, вне зависимости от каких-либо обстоятельств являющаяся состоянием борьбы силою [12], актом насилия, выступающим как орудие политики, как её продолжение [11].

Понимание того, что «не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина» [5, с. 19], пришло к людям ещё в древности. Сегодня, как и в прежние времена, посильное участие в войне – это долг гражданина, неукоснительное исполнение которого имеет колоссальную общественную значимость. Если государство оказалось вовлечённым в войну, то развёртывающиеся процессы прямо или косвенно скажутся на жизни каждого гражданина. Данное положение можно проиллюстрировать множеством исторических примеров. При этом практически все события войны остаются в народной памяти лишь частично. Что может вспомнить большинство граждан о прошедшей войне? Как правило, люди хорошо запоминают пережитые страдания и те воинские подвиги, которые совершили они сами или некоторые другие участники боевых действий.

Разумеется, войну можно связывать с актом насилия и неизбежными при этом страданиями, с исполнением гражданского долга и совершением подвигов, а также со многими другими разнород-

ными и разнообразными феноменами. Но в чём же всё-таки заключается подлинная суть войны? В поисках ответа на этот вопрос вполне допустимо, конечно же, вслед за Сунь-Цзы, заявить, что «война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели» [8, с. 35]. Не возбраняются попытки раскрыть сакральный смысл войны, как это делает Ю. Эвола [9], или же подобрать аргументы в пользу её абсолютной бессмысленности. В любом случае придётся признать войны вневременным атрибутом существования человечества, игравшим и играющим весьма значительную роль в его становлении как органической целостности. Стоит учесть и замечание Ж.-Ж. Руссо относительно того, что «война – это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству» [6, с. 157].

В настоящее время существуют различные определения понятия войны [2], акцентирующие конкретные стороны его содержательного наполнения. Цели войны, как декларируемые, так и реальные, могут варьировать в диапазоне от тотального уничтожения противника [11] до победы, ведущей к миру [7]. Однако практика осуществления боевых действий предполагает гибель их участников вне зависимости от присущих им моральных установок и иных особенностей. Убитых без убийц не бывает, и какими бы высокими для обеих воюющих сторон не были их собственные цели, в любом случае они оказываются виноватыми друг перед другом.

Человечество, как отмечает Ф.О. Баро (François Odyse Barot), воюет непрерывно; данное положение имеет силу закона [10], что вполне убедительно подтверждается А.Е. Снесаревым [7]. О фактах такого рода ведут речь многие авторы. «История нашей цивилизации, – утверждает, в частности, А.А. Кокошин, – во многом выступает как история самых разнообразных войн, с различными политическими целями, с различным характером применения военной силы, с разными степенями воздействия на состояние общества и на состояние тех или иных сегментов системы мировой политики» [4, с. 6]. Содержание завершающего фрагмента этого утверждения, верность которого вполне очевидна, стоит распространить на сферу международного права как ключевую составляющую нормативной основы социальной стороны жизни современного человечества.

Весьма важной отраслью международного права является право войны, функционирование которого приносит человечеству определённые положительные результаты. Поэтому неизбежность появления понятия права войны и его закрепления в социально-гуманитарном знании сомнения не вызывает. Однако актуальные представления о должном содержательном наполнении этого понятия не лишены некоторых недостатков. Так, на сегодняш-

ний день имеет место фрагментарность и недостаточная упорядоченность информации об особенностях развёртывания процессов воплощения норм этого права в жизнь. Данное обстоятельство делает обращение к процессуальному измерению права войны эвристически ценным.

В наше время ведение военных действий, равно как и отказ от них, входит в число неотъемлемых прав суверенных государств. Столь же уверенно можно заявлять и о том, что сам по себе выбор, сделанный государством в пользу одной из этих альтернатив, вполне соответствует «духу» современного права войны. Что же касается специфики «буквы» данной отрасли права, то далеко не все его нормы позволительно относить к числу рекомендательных, то есть фиксирующих желательные варианты действий государств, но не лишающих их реальной возможности осуществления выбора. В своём большинстве эти нормы чисто теоретически допустимо квалифицировать как обязывающие, уполномочивающие и запрещающие, то есть в соответствии со своеобразием складывающихся ситуаций предписывающие субъектам права совершения или несоблюдения действий определённого характера. Между тем на практике нормативно обусловленные права такого рода не всегда оборачиваются соответствующими обязанностями. Следствием данного, в некоторой степени парадоксального, положения является малая, хотя и не нулевая предсказуемость действий, которая в сходных конфликтогенных ситуациях последует со стороны различных государств, выступающих в роли коллективных субъектов права. Приблизительно то же самое можно сказать и о действиях определённого государства при его попадании в кардинально различающиеся ситуации.

Тем не менее, нет никакого сомнения в том, что право войны, несмотря на своё очевидное несовершенство, сегодня представляет собой одно из наиболее эффективных средств уменьшения размаха военных действий и смягчения их негативных последствий [1]. Стоит, впрочем, заметить, что если государство (или иные коллективные субъекты права) оказались в ситуации военного конфликта, то ни в юридической, ни, тем более, в моральной оценке действий, совершаемых ими по отношению друг к другу, сколько-нибудь полного единодушия ожидать не приходится.

В различных сферах социально-гуманитарного знания уже давно сложилось представление о том, что войны бывают справедливыми и несправедливыми. Для первых, в отличие от вторых, нарушения требований морали не характерны. Но какие из возможных вариантов требований морали здесь следует учитывать? Этот вопрос надо квалифицировать как принципиально открытый. Одно морально для претендующих на принадлежность к исламу фун-

даменталистов-джихадистов, другое – для «разносчиков демократии» из США. А для тех, кто становится их жертвами, моральным может быть нечто третье, четвёртое, пятое и так далее. Соответственно одну и ту же войну каждое из участвующих в ней государств практически неизбежно будет полагать справедливой со своей стороны и несправедливой со стороны противника.

Несправедливые войны по своей сути не могут вестись в соответствии с правом войны. Это очевидно. Не менее очевидно и то, что попытка отделить войны, несправедливые с точки зрения кого-либо, от войн, чья справедливость будет несомненной абсолютно для всех, представляет собой прямой путь в интеллектуальный тупик. Дабы избавиться от риска попадания в него, подчеркну, что дальнейшие рассуждения и прямо, и косвенно касаются только тех войн, которые могут быть признаны справедливыми исходя из моральных критериев, легитимных для читателя.

С момента появления хронологически самых ранних юридически обязывающих документов право войны естественным образом дополняется законами (правилами) и обычаями её ведения, регламентирующими порядок разрешения гуманитарных вопросов, неизбежно возникающих в условиях вооружённых конфликтов. В каждый момент своего существования право войны в совокупности с практикой его реализации выступает концентрированным выражением наличного уровня цивилизованности межгосударственных отношений.

Непосредственными истоками права войны в настоящее время являются международные акты, вступившие в силу в XX веке (Гаагские конвенции 1907 года, Женевские конвенции 1949 года и другие). В них детализируются права и сопряжённые с ними обязанности сторон вооружённых межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, обозначаются условия и пределы их применения.

Нормы права войны, проистекающее из содержания действующих международных актов и скоординированные с примыкающими к ним законами и обычаями ведения боевых действий, в мирное время существуют в состоянии потенции и, как следствие, оказываются вне сферы интересов большинства граждан любой страны. В состоянии актуальности данные нормы права переходят в момент официального объявления войны одним государством другому государству или же после реального начала боевых действий. И именно в этот момент люди, напрямую столкнувшиеся с войной, начинают проявлять живую заинтересованность в её чётком нормативном регулировании.

После начала боевых действий различные нормы права воплощаются в жизнь в соответствии со спецификой реализующихся сценариев войны. Взаимно деструктивные действия враждующих го-

сударств, попавшие в фокус внимания их граждан, согласно многовековой традиции воспринимаются по принципу «свой – чужой». Все или почти все действия вооружённых сил своего государства представляются уместными и необходимыми, героическими и даже, в конечном счёте, конструктивными. Действия же вооружённых сил чужого государства признаются, соответственно, подлыми и коварными; подавляющее большинство граждан усматривает в них пример средоточия бессмысленной и преступной агрессии, которую нельзя оправдать ничем. Тем не менее, практически в каждом случае, когда государство оказывается вовлечённым в войну, среди его граждан обнаруживается небольшой процент тех, кто в своём видит «чужое», а в чужом – «своё». Их, обычно более или менее однозначно воспринимаемых согражданами как внутренних врагов, со времён гражданской войны в Испании (1936–1939 годы) принято именовать пятой колонной. Стоит заметить, впрочем, что в наши дни к числу врагов собственного государства нетрудно причислить людей, совершающих действия и поступки в соответствии с особым образом понимаемыми интересами всего человечества. Критерии, которые позволяют гражданам безошибочно отделять подлинных представителей пятой колонны от своих добропорядочных сограждан, на самом деле ставящих общечеловеческое выше национально-государственного, пока не выработаны.

Проявление юридической силы права войны может быть законсервировано, как повелось издавна, вследствие соглашения сторон конфликта, а также, в настоящее время, по решению Совета Безопасности Организации Объединённых Наций. При этом нормы права войны едва ли не всецело теряют свою актуальность в тот момент, когда либо воевавшие государства заключают мирный договор, либо военные действия между ними де-факто завершаются. Есть, разумеется, множество тонкостей, определяющих процедурные особенности правомерных действий государств, выходящих из состояния войны и ориентированных на урегулирование отношений между собой. Тем не менее, процесс оформлений юридически грамотных послевоенных соглашений при всей своей сложности не может продолжаться бесконечно.

Стоит обратить внимание на то, что подавляющее большинство людей, переживших войну, обычно довольно скоро перестаёт всерьёз беспокоиться о её оставшихся в прошлом реалиях и упорядочивающих их правовых нормах. Однако война, приведшая одну сторону к победе, а другую, соответственно, к поражению, практически никогда не завершается совершенно однозначно, окончательно и бесповоротно. Исход войны, как вполне резонно утверждает К. фон Клаузевиц (Carl von Clausewitz), не может быть абсолютным [11].

Замечу, что деструктивные процессы, в совокупности представляющие собой войну, ушедшую, казалось бы, в небытие, инициируют протекание множества иных процессов. Инициированные процессы по своей общей направленности бывают не только деструктивными, но и конструктивными. Разворачиваясь в пространстве существования глобализирующегося человечества, качественно противоположные процессы в значительной степени «гасят» результаты друг друга, тем самым де-факто частично воспроизводя свои предпосылки и обеспечивая инерционность собственного протекания. Соответственно некоторые реалии войны, такие, как разрыв дипломатических, консульских, торговых и иных отношений между государствами, порой подолгу остаются актуальными. Репарация и реституция редко протекают без трудноразрешимых противоречий. Не всегда оперативно решаются проблемы обмена пленными и оказания медицинской помощи и социальной поддержки тем, кто был ранен и стал инвалидом.

Во все времена война приносила людям множество самых разных, зачастую весьма болезненных проблем. Однако сейчас, в эпоху глобализации, война обретает новые, недостижимые ранее масштабы и оперативность деструктивного влияния на все стороны жизни человечества. Беспрецедентно высокого уровня достигла и практика вмешательства внешних сил в военные конфликты на всех этапах их развёртывания. Право войны при этом должно становиться всё более весомым фактором препятствования гибели человечества и обеспечения возможности его устойчивого развития.

Неангажированный исследователь ни в коем случае не может игнорировать и то, что в современных войнах реальное в боевых действиях обычно дополняется виртуальным. Совокупность же реальных и виртуальных боевых действий практически во всех конкретных случаях маскирует совершение субъектами права нелегитимных действий, направленных на достижение экономических и политических целей. Войну, в которой реальное и виртуальное, очевидное и подспудное составляет органическое единство, сегодня принято именовать гибридной. Но анализ многочисленных случаев использования термина «гибридная война» не даёт чётких представлений о должном содержательном наполнении соответствующего понятия. Нет никакой ясности относительно того, всегда ли «гибридная война» является подлинной войной, иначе

говоря, может ли она осуществляться без совершения субъектами права таких действий друг против друга, которые традиционно признаются боевыми. Отсутствуют в специальной литературе и сведения о позитивной практике правового регулирования войн такого рода.

Надо полагать, что изложенное выше допустимо использовать как теоретическое основание, минимально необходимое для формирования характеристики понятия права войны, акцентирующей его процессуальное содержание.

Реализация права войны может трактоваться как циклический процесс, в рамках которого чередуется пребывание составляющих его норм в потенциальном и актуальном состояниях. Главная отличительная черта потенциального состояния – это отсутствие явственно развёртывающихся межгосударственных и внутрисударственных военных противостояний, эскалация которых купируется политическими, финансово-экономическими и иными средствами, легитимными с правовой и моральной точек зрения. О наличии актуального состояния свидетельствует реальное или номинальное вступление коллективных субъектов права в войну, вследствие чего соответствующие нормы не только получают юридическую силу, но и зачастую начинают де-факто доминировать над другими нормами, причём не только правовыми, но и моральными.

Анализ перспектив философской разработки отдельных аспектов содержания понятия права войны свидетельствует о высокой актуальности широкого круга вопросов. Среди этих вопросов приоритетными могут быть признаны те, которые напрямую связаны с установлением пределов вмешательства в ход военных действий государств, не являющихся сторонами конфликта, международных организаций и иных коллективных субъектов права; выработкой критериев, позволяющих признавать или не признавать войной конкретные деструктивные процессы, инициаторами и активными участниками которых являются коллективные субъекты права; концептуализацией понятия «гибридная война», в последние годы получившего широкое распространение в различных сферах теоретического знания и массовой коммуникации, но не имеющего чётко зафиксированного значения; осмыслением возможностей продуктивного использования существующих правовых норм для регулирования процессов, развёртывающихся в рамках «гибридных войн».

Литература

1. Бест, Дж. Война и право после 1945 г. / Дж. Бест. – Москва: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 676 с.
2. Захаров, В.М. Эволюция взглядов на войну: от Клаузевица до современности / В.М. Захаров // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 3 (4). – С. 79–94.
3. Керсновский, А.А. Философия войны / А.А. Керсновский. – Москва: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 208 с.

4. Кокошин, А.А. Несколько измерений войны / А.А. Кокошин // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 5–19.
5. Макиавелли, Н. О военном искусстве / Н. Макиавелли. – Москва: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1939. – 223 с.
6. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва: Наука, 1969. – 704 с.
7. Снесарев, А.Е. Философия войны / А.Е. Снесарев. – Москва: Финансовый контроль, 2003. – 286 с.
8. Сунь-Цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы. – Москва: ООО «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2002. – 560 с.
9. Эвола, Ю. Метафизика войны / Ю. Эвола. – Тамбов: Пролетарский светоч, 2008. – 168 с.
10. Barot, F.O. Philosophie de l'histoire / F.O. Barot. – Paris: Germer Bailliére, 1864. – 244 с.
11. Clausewitz, C. von. On war / C. von Clausewitz. – London etc.: Penguin books, 1982. – 460 с.
12. Grotius, H. The rights of war and peace, including the law of nature and of nations / H. Grotius. – Washington; London: M.W. Dunne, 1901. – 423 p.